

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ФОРМА УГРОЗЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

А.В. Бабук

В статье предпринимается попытка исследования кибербуллинга как формы угрозы, используемой в настоящее время в интернет-коммуникации. Автор классифицирует виды и формы буллинга в зависимости от используемых для этого языковых средств. Автор также выделяет кибербуллинг как особый вид угрозы и приводит различные примеры ее проявления, включая вымогательство, харассмент, кибермоббинг и т.д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кибербуллинг, травля, угроза, интернет-коммуникация, вымогательство, харассмент, кибермоббинг, вербальная агрессия

БАБУК Александр Вадимович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела речеведческих и экономических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. alexander-babuk@yandex.ru

Цитирование: Бабук А.В. Кибербуллинг как форма угрозы в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 3. – С. 95–106. Режим доступа: www.tverlingua.ru

CYBERBULLYING AS A FORM OF THREAT IN ONLINE-COMMUNICATION

Alexander V. Babuk

An attempt to analyze cyberbullying as a form of threat, used nowadays in online-communication, is made in the article. The author classifies the bullying types and forms depending on the language means that are used for it. The author also underlines cyberbullying as a special threat type and gives different examples of it, including extortion, harassment, mobbing etc.

KEY WORDS: cyberbullying, bullying, threat, online-communication, extortion, harassment, cybermobbing, verbal aggression

BABUK Alexander V. – PhD in Philology, leading researcher of psycholinguistic laboratory of language and economic scientific department of State Institution “Scientific and Practical Center of the State Forensic Committee of the Republic of Belarus”. alexander-babuk@yandex.ru

Citation: Babuk A.V. Cyberbullying as a form of threat in online-communication [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 3. – P. 95–106. Access mode: www.tverlingua.ru

В современных условиях человек все чаще сталкивается с ценностными и парадигмальными изменениями общественного сознания, обусловленными последствием событий распада СССР. В связи с этим коммуникативное поведение человека все чаще характеризуется такими особенностями как категоричность суждений, неуважение к чужому мнению и взглядам. Вульгаризация и инвективизация речи, пропаганда насилия стали следствием снижения общего уровня речевой культуры в целом. Язык и слово все чаще превращаются в средства речевой агрессии и орудие совершения противоправных деяний в обществе. Одним из таких проявлений речевой агрессии является буллинг.

Буллинг (травля) – это «периодически повторяющийся агрессивный поведенческий акт с намерением нанесения ущерба и причинения вреда конкретному индивиду (жертве), который не в состоянии себя защитить» (Бабук, 2022: 87). Понятие буллинга было впервые введено шведско-норвежским психологом Д. Олвеусом, который установил, что важнейшим признаком травли является ее постоянство, систематическая периодичность, повторяемость во времени (Olweus, 2019: 1).

Буллинг бывает двух основных видов – *физический* и *психологический*. *Физический* буллинг предполагает физическое целенаправленное воздействие

на человека (преднамеренные толчки, побои, удары и т.д.) с целью нанесения различных телесных повреждений. Суть *психологического* буллинга заключается в преднамеренном психоэмоциональном воздействии на человека с целью пробуждения в нем чувства страха, неуверенности в себе и токсического чувства вины. Формами психологического буллинга могут быть изоляция человека (объявление бойкота – намеренное игнорирование объекта агрессии всем коллективом или какой-то его частью), вымогательство, намеренное повреждение имущества, запугивание (угроза), всевозможные насмешки (сарказм, ирония), оскорбление, клевета и т.д. Именно буллинг как форма угрозы является предметом настоящего исследования.

Угроза – это «выражение словесно, письменно или другим способом намерения нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком (один из способов пытки)» (Борисов, 2010: 768). С точки зрения судебной лингвистики угрозой является особая форма вербальной агрессии, в основе которой лежит конфликтный речевой акт, так называемый менасив (от англ. *menace* – угрожать). Ядро угрозы составляет обещание адресанта совершить небенефактивные действия в отношении адресата. Как пишет А. Н. Баранов, угроза бывает двух основных видов: угроза-предупреждение и угроза-наказание. Угроза-предупреждение содержит каузируемое действие, к выполнению или невыполнению которого понуждает адресант адресата в форме условия. Угроза-наказание содержит только непосредственно санкцию в форме самих небенефактивных действий (Баранов, 2022). Реализуется угроза в двух основных формах: прямая (эксплицитная) и косвенная (имплицитная). Прямая угроза является явно выраженной, и интерпретация ее смысла не требует от адресата никаких дополнительных действий. Смысловое раскрытие косвенной угрозы требует обращение к логико-семантической составляющей высказывания.

Коммуникативные параметры буллинга, как и угрозы, предполагают наличие двух актантов коммуникативной ситуации – адресанта (булли, т.е. агрессора) и адресата (жертвы). Некоторые исследователи еще выделяют третьего субъекта – свидетеля, который может зафиксировать факт буллинга как речевой агрессии (Тап, 2019: 43). Чаще всего ситуация травли возникает в случае интенциональной реализации агрессором речевой стратегии конфронтации по отношению к своей жертве в форме социального противоборства (Иссерс, 2008: 55). Одним из средств достижения такой речевой стратегии является тактика угрозы. При буллинге участниками группы чаще всего выступают субъекты, находящиеся внутри одной группы по отношению к определенному индивиду или только вступившему в эту группу (хейзинг) – учащиеся одного класса или школы (школьный буллинг), военнослужащие одной воинской части (дедовщина), работники одной организации (кибермоббинг) и т.д. Целью такого коммуникативного хода является манипуляция, т.е. получение субъектом желаемого без учета желания объекта, а также повышение субъектом своего статуса за счет реализации вербальной агрессии в отношении жертвы. Иногда коммуникация, в которой осуществляется буллинг, может носить и статусно-ориентированный характер, как, например, в ситуации, когда руководитель угрожает работнику увольнением или невыплатой заработной платы за невыполнение сверхурочной работы и подключает к процессу реализации этой угрозы весь трудовой коллектив предприятия.

Угроза в буллинге часто используется не только с целью создания у объекта травли эмоций страха, но, в том числе, провокации конфликтной ситуации (например, драки) и дальнейшего обвинения жертвы в ее создании. Так, например, школьные агрессоры поступают обычно внутри коллектива с детьми, которых выставляют зачинщиками драки перед взрослыми (Цымбаленко, 2019: 31).

Одной из самых распространенных форм буллинга является вымогательство – преступление, в основе которого лежит «передача

имущества (права на имущество) или совершение других действий имущественного характера под угрозой насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» (Борисов, 2010: 103). Субъект угрозы чаще всего создает menacing высказывание в форме предупреждения, требуя от объекта выполнения какого-либо каузируемого действия: безвозмездную выдачу материальных средств (деньги, учебники, имущество), выполнение чужих обязанностей в школе, выполнение действий унижительного характера и т.д.

В современных условиях информационного общества травля все чаще совершается посредством компьютерно-опосредованной коммуникации (так называемый кибербуллинг). Такая форма коммуникации не только опосредована, но также асинхронна, анонимна, мультимедийна и осуществляется вне границ времени. Спрятавшись «за кулисы» выдуманного никнейма (интернет-прозвища) и аватарки (фотографии), реальная языковая личность в интернет-коммуникации становится «невидимой» для других пользователей и трансформируется в виртуальную (Лутовинова, 2015). При этом все участники коммуникации имеют время на размышление для подготовки текста сообщения, поэтому все действия человека, совершаемые в интернет-дискурсе, современная криминалистика считает преднамеренными. «Неудивительно в этой связи, что кажущуюся свобода интернет-общения делает его таким раскрепощенным и в каких-то ситуациях граничащим со вседозволенностью» (Баркович, 2017: 62). Идентифицировать такую личность крайне сложно, поскольку автор интернет-текста получает широкие возможности для модификации своего виртуального образа, а также выбора определения конкретных стратегий и тактик коммуникативного поведения благодаря нивелированию живого взаимодействия в режиме тет-а-тет и переходу к интерперсональной адресации (Баркович, 2017: 64).

Кибербуллинг осуществляется, как правило, посредством различных средств интернет-коммуникации – электронной почты, социальных сетей, мессенджеров мгновенной отправки сообщений, видеопорталов Youtube, TikTok и т.д. И в настоящее время кибербуллинг часто является составной частью различных форм речевой агрессии, преимущественно совершаемых в интернет-коммуникации, таких как троллинг, флэйминг, харрасмент, аутинг, чейзинг, фрэпинг, диссинг, кэтфишинг. Другими формами травли в интернет-дискурсе могут быть взламывание аккаунтов в социальных сетях и электронной почты жертвы, создание интернет-мемов с различными образами жертвы, обнародование агрессором текстов личной переписки с жертвой и т.д.

Одной из самых опасных форм кибербуллинга является харрасмент (от англ. *harassment* – преследование, домогательство) – периодически повторяющиеся различные проявления целенаправленного речевого поведения одного человека в отношении другого (группы лиц) с намерением причинить вред (унизить, оскорбить, «выставить дурном свете», вызвать эмоции страха и т.д.). Средством харрасмента являются различные формы инсинуации (клеветы) или запугивания (угрозы). При такой форме травли объект регулярно получает сообщения клеветнического или менасивного характера и на протяжении продолжительного времени находится под воздействием субъекта речевой агрессии. Классическим примером харрасмента является распространение в интернет-дискурсе несоответствующих действительности сведений о жертве в форме категорических утверждений о факте, опубликованных в жанре интернет-комментария («Я знаю, что студентка Д. переспала со всеми ребятами в группе, где она учится»). Кибербуллинг в форме харрасмента может осуществляться в том числе и коллективно, когда «один пользователь выставляет ложную информацию о человеке, а остальные поддерживают его посредством комментариев, в том числе с развитием темы обсуждения» (Кекко, 2021: 117). При запугиваниях в интернет-дискурсе адресант обещает

наступление негативных последствий для адресата при совершении или несовершении им каузируемого действия («Тебе завтра в школе лучше не появляться. Иначе мало тебе не покажется!»). Несмотря на то, что харасмент не осуществляется вживую, его восприятие адресатом является реальным, поэтому с точки зрения криминалистики угроза, совершаемая в форме интернет-харасмента также реальна. Опасность такого преследования заключается в том, что систематическое получение подобного рода сообщений адресатом может представлять угрозу безопасности и здоровью человека (Ероховец, 2016: 15). Более того, опасность буллинга в интернет-дискурсе намного выше в связи с подключением широкого круга коммуникантов и высокой уязвимостью потенциальных жертв.

Кибербуллинг как форма угрозы часто сопровождается различными оскорблениями, языковыми репрезентантами которых являются лексические единицы интернет-сленга и компьютерного жаргона, а также невербальные компоненты коммуникации – эмодзи, изображения, графемы и т.д. Так, например, субъекты онлайн-игр в процессе игровой деятельности часто используют для выражения гнева и унижения соперника номинативы, вроде *ламер* (от англ. *lame* – хромой, неубедительный) и *нуб* (*noob*). Данные слова обозначают неопытного компьютерного пользователя, который представляет себя как разбирающийся в современных информационных технологиях человек (Словарь иностранных слов, 2014; 370): «Эй ты, ламер, иди сюда! Сейчас я тебя сделаю! 🖱️». Средством конфронтации в данном высказывании выступает лексема *ламер*, которая в сочетании с соответствующим эмодзи используется для выражения эмоций гнева, раздражительности, недовольства и выступает интенсификатором кибербуллинга как формы угрозы. Цель такой тактики конфронтации адресанта заключается в том, чтобы создать у оппонента чувство неуверенности в себе, заставить совершить ошибку и за счет этого обеспечить субъекту кибербуллинга достижение легкой победы в игре. Слово *нуб* может применяться не только при кибербуллинге, но и при

оскорблении личности: «Эй, ты, нуб недоделанный, сейчас как залеплю тебе!» (В данном высказывании слово «нуб» номинирует физически и интеллектуально неразвитого человека).

У кибербуллинга, как и у любой формы речевой агрессии, существуют свои последствия, которые опасны не только для личности, подвергающейся травле, но и для всего общества в целом. Эти последствия не остаются изолированными в границах интернет-коммуникации, а, как правило, выходят в реальную действительность. Особенно это касается школьного буллинга, где незрелая психика ребенка оказывается уязвимой. Известны случаи, когда систематический кибербуллинг формирует чувство вины, провоцирует депрессивное состояние, которое может привести к проявлению у школьника суицидального поведения, как это показано на примере главной героини канадского фильма «Кибертеррор» (“Cyberbully”). Последствием буллинга в целом может также быть повышение градуса социальной агрессии и взятие ребенком в руки огнестрельного оружия, как это проиллюстрировано на примере эстонского фильма «Класс» (“Klass”).

Разновидностью кибербуллинга также является кибермоббинг (от англ. *to mob* – нападать толпой) – нападки и притеснения человека со стороны коллег по работе в режиме интернет-коммуникации. С точки зрения психолингвистики он сопровождается теми же особенностями, что и школьный кибербуллинг. Отличие его от традиционного буллинга заключается в том, что при моббинге все субъекты осуществляют целенаправленную травлю конкретного индивидуума в трудовом коллективе. По оценкам специалистов во всем мире около 3-4% людей, которые нанимаются на работу, сталкиваются с моббингом в свой адрес. При этом даже если моббинг на рабочем месте осуществляется не продолжительное время, то его последствия переживаются жертвой постоянно в форме страха при смене места работы (Ваниорек, 1996: 6–7).

Таким образом, кибербуллинг (травля) является одной из форм речевой агрессии, совершаемой в интернет-коммуникации. Особенность такой травли

заключается в опосредованности общения и интерперсональной адресации – наличии широкого выбора коммуникантов, которые могут стать как потенциальными субъектами (агрессорами) угрозы, так и ее объектами (жертвами). Средствами выражения кибербуллинга в интернет-коммуникации могут быть как вербальные (словесные), так и невербальные (графемы, эмотиконы, эмодзи) компоненты. Формами кибербуллинга могут выступать харассмент, харрасмент, троллинг, флейминг, аутинг, чейзинг, фрэпинг, диссинг, кэтфишинг, моббинг и т. д. Для интенсификации выражения кибербуллинга адресант также может использовать различные формы оскорбления. Опасность последствий кибербуллинга заключается в возникновении потенциальной угрозы жизни и здоровью человека и провоцировании в нем токсического чувства вины и страха, которое может привести к суицидальному поведению.

Ссылки – References in Russian

Бабук, 2022 – *Бабук А.В.* Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе // Российский девиантологический журнал – Санкт-Петербург, 2022, № 2 (1). – С. 85–92.

Баранов, 2022 – *Баранов А.Н.* Угроза в социальных сетях: особенности семантики и прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022, Т. 21, № 3. – С. 54–65.

Баркович, 2017 – *Баркович А.А.* Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация: уч. пособие – 4-е изд., стереотипное. – Москва: Флинта: Наука, 2017. – 285 с.

Борисов, 2010 – *Борисов А. Б.* Большой юридический словарь – Москва: Книжный мир, 2010. – 848 с.

Ваниорек, 1996 – *Ваниорек Л.* Моббинг: когда работа становится адом – Москва: АО «Интерэксперт»: Нолидж, 1996. – 166 с.

Еровец, 2016 – Кибербуллинг в школе; сост. О.Е. Еровец, Д. В. Нитиевская, А.В. Курневич – Минск: Красико-Принт, 2016. – 95 с.

Иссерс, 2008 – *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи – Изд. 5-е. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

Кекко, 2021 – *Кекко В.С.* Проблемные вопросы правовой регламентации способов доведения до самоубийства посредством использования социальных сетей // Киберпреступность: риски и угрозы : материалы Всероссийского студенческого круглого научно-практического стола с международным участием (Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург, 11 февраля 2021 г.) ; под ред. д-ра юрид. наук, доцента Е. Н. Рахмановой. – Санкт-Петербург : Астерион, 2021. – С. 113–119.

Лутовинова, 2015 – *Лутовинова О. В.* Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. – 2015, № 1 (50) – С. 288–292.

Словарь иностранных слов современного русского языка. – Москва: «Аделант», 2014. – 800 с.

Цымбаленко, 2019 – *Цымбаленко Н.* Буллинг. Как остановить травлю ребенка. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 160 с.

References

Babuk, A.V. (2022) Flejming kak instrument razzhiganija rechevogo konflikta v internet-diskurse // *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, Sankt-Peterburg, № 2 (1), pp. 85–92. (In Russian)

Baranov, A.V. (2022) Ugroza v social'nyh setjah: osobennosti semantiki i pragmatiki // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie*, 21, № 3, pp. 54–65. (In Russian)

Barkovich, A.A. (2017) *Internet-diskurs: komp'juterno-oposredovannaja kommunikacija: uch. Posobie*, 4-e izd., stereotipnoe, Moskva, Flinta, Nauka, 285 p. (In Russian)

Borisov, A.B. (2010) *Bol'shoj juridicheskij slovar*, Moskva, Knizhnyj mir, 848 p. (In Russian)

Cymbalenko, N. (2019) *Bulling. Kak ostanovit' travlju rebenka*, Sankt-Peterburg: Piter, 160 p. (In Russian)

Erovec, D.V. (2016) *Kiberbulling v shkole*; ed. O.E. Erohovec, D.V. Nitievskaja, A.V. Kurnevich – Minsk: Krasiko-Print, 95 p. (In Russian)

Issers, O. S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russskoj rechi*, Moskva, Izdatel'stvo LKI, 288 p. (In Russian)

Kekko, V.S. (2021). Problemnye voprosy pravovoj reglamentacii sposobov dovedenija do samoubijstva posredstvom ispol'zovanija social'nyh setej // *Kiberprestupnost': riski i ugrozy : materialy Vserossijskogo studencheskogo kruglogo nauchno-prakticheskogo stola s mezhdunarodnym uchastiem (Severo-Zapadnyj filial FGBOUVO «Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudija» (Sankt-Peterburg, 11 fevralja 2021 g.)*, ed. by E. N. Rahmanovoj, Sankt-Peterburg, Asterion, pp. 113–119. (In Russian)

Lutovinova, O.V. (2015) *Virtual'naja jazykovaja lichnost': k opredeleniju ponjatija* // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, №.1 (50), pp. 288–292. (in Russian).

Olweus, D. (2019) Addressing Specific Forms of Bullying: A Large-Scale Evaluation of the Olweus Bullying Prevention Program // *International Journal of Bullying Prevention*, P. N.1 (11), pp.1–15.

Slovar' inostrannyh slov sovremennogo russkogo jazyka, Moskva, «Adelant», 800 p. (In Russian)

Tan, K.H. (2019) Linguistic features of Cyberbullying // *The proceedings of international conference on advanced research in social science* , pp. 42–52.

Vaniorek, L. (1996) *Mobbing: kogda rabota stanovitsja adom*, Moskva, AO «Interjekspert», Nolidzh, 166 p. (In Russian)